

Новость о том, что старуха Ван приехала заступиться за своего внука Хань Гана, мигом разнеслась по деревне. Соседи со всей округи сбегались посмотреть на даровое представление. Двор Хань Дуя обступили так плотно, что яблоку негде было упасть.

Старуха Ван нарочно раздувала скандал: в дом проходить наотрез отказалась и принялась голосить прямо у ворот, привлекая как можно больше внимания.

Хоть Хань Дуй и уверял, что в подобных делах ему равных нет, Чэнь Юэсян всё же решительно заслонила сына плечом и с натянутой улыбкой шагнула навстречу госте.

— Тётушка, вы пришли! Проходите в дом, присаживайтесь, я сейчас чаю заварю.

Старуха Ван упёрла руки в бока, застыв у калитки, и протянула ядовитым, приторным голосом:

— Нечего мне у вас рассиживаться. Я сегодня пришла просить вас двоих об одном одолжении. И здесь, у порога, прекрасно всё выскажу.

Хань Дахуа поспешно заговорил самым заискивающим тоном:

— Матушка, если что нужно — скажите прямо! К чему эти разговоры про просьбы? Вы же нас так раньше времени в могилу сведёте!

Тут старуху Ван прорвало. Ткнув пальцем прямо в нос Хань Дахуа, она разразилась бранью:

— Я вас в могилу свожу?! Да из-за вашей семейки я сама лет десять жизни потеряла! Моя бедная доченька безвременно ушла, заставив мать оплакивать своё дитя, оставила сирот прозябать! Я-то надеялась, ты позаботишься о несчастных крошках, а ты оказался таким безжалостным! Ганцзы уже за двадцать, а он всё в бобылях ходит! Насилу сосватали ему невесту, так ты из кожи вон лезешь, лишь бы всё испортить! Покойной матери на том свете покоя не даёшь!

Старуха запричитала во весь голос, хлопая себя по бёдрам в такт собственным завываниям.

Спорить с ней Хань Дахуа не смел, да и доводов разума старуха не воспринимала. Покрывшись холодным потом от беспомощности, он умоляюще посмотрел на жену. Но стоило Чэнь Юэсян открыть рот, как старуха Ван опередила её язвительным выпадом:

— Ой, племянница дорогая! Я-то думала, раз мы родня, ты ради чести семьи приглядишь за Ганцзы и Мэйцзы. Знала бы, что ты за змея, лучше бы чужую бабу им в мачехи нашла!

Чэнь Юэсян исподтишка ущипнула себя за бедро. Глаза её тут же налились слезами, и она зарыдала так истошно, что затмила саму старуху:

— Тётушка, да вы же мне нож в сердце втыкаете! Я двадцать лет в доме Ханей хозяйничаю и могу положить руку на сердце сказать: ни разу пальцем не тронула четверых детей покойной сестрицы! Самым лучшим куском делилась, одевала всех одинаково! А учёба? Да если бы они учиться хотели, я бы последнюю рубашку продала, но образование им дала! Моя совесть перед людьми чиста, и на том свете мне перед сестрицей Юэлин стыдиться не за что! Пусть вы и старшая в роду, но напраслину на меня возводить не позволю!

Обе женщины соревновались в громкости причитаний, оглашая окрестности яростным воем. Толпа зевак замерла в предвкушении грандиозного скандала.

Хань Дуй понял: раз уж мать пустила в ход тяжёлую артиллерию, пришла его очередь брать командование на себя.

Перед выходом он обернулся к Хань Мэй и негромко скомандовал:

— Сестра, сиди в доме и носа наружу не показывай. Я быстро со всем разберусь.

Будучи юношей благовоспитанным, Хань Дуй предпочитал сначала испытать мягкую силу. Он шагнул к старухе Ван и вежливо потянулся к её локтю:

— Бабушка Ван, на дворе стужа. Позвольте, я помогу вам войти в дом, согреетесь.

Старуха даже не удостоила его взглядом. Грубо оттолкнув его руку, она направила на него скрюченный палец:

— Сяо Жуй, отвечай мне: чем тебе старший брат не угодил?! Он тебя в колодец толкал или до полусмерти избивал? Какое же у тебя чёрствое сердце, раз ты спелся с чужаками против родной крови! Ишь, выучился на свою голову! Не зря умные люди говорят: «Чем больше знаний, тем реакционнее». Вся башка у тебя гнилыми мыслями забита!

Чэнь Юэсян от возмущения едва воздух не потеряла:

— Тётушка, за сына я вам спуска не дам!

Старуха Ван насупилась и сделала шаг вперёд:

— И что ты мне сделаешь, а?

Хань Дуй мягко придержал мать за плечо и многозначительно подмигнул — мол, предоставь эту старую вешалку мне.

Чэнь Юэсян прекрасно понимала, что лезть в драку с собственной тёткой — себе дороже: уважение к старшим никто не отменял, и в глазах соседей виноватой выставят её. Уступив место сыну, она затаила дыхание. В конце концов, если Сяо Хань умудрился заткнуть за пояс собственную зубастую бабуку, то и с этой мегерой как-нибудь сладит.

Перед лицом разъярённой старухи Хань Дуй сохранял абсолютное олимпийское спокойствие, не позволяя втянуть себя в бабью перебранку. Напротив, он заговорил размеренно, веско, разбивая её доводы один за другим:

— Бабушка, тут вы в корне заблуждаетесь. Моя семья — бедняки в девятом поколении, а по материнской линии — в трёх. Я самый что ни на есть пролетарский интеллигент, так что лозунг про вред знаний ко мне никак не относится. Сразу видно, что вы плохо разбираетесь в партийной линии. Настоятельно рекомендую вам уделить время политическому самообразованию.

Старуха Ван раздражённо отмахнулась:

— Плевать мне, какого ты там роду-племени! Башка у тебя дурная, вот что я скажу! Эгоист паршивый, неблагодарная скотина! Только о своём престиже думаешь, а на брата родного тебе наплевать!

— Бабушка, — парировал Хань Дуй, — невесту брату собираются добыть ценой счастья моей сестры. Он готов растоптать жизнь родной девчонки ради собственной выгоды. Так кто же из нас эгоист? Вы только не лукавьте, ответьте положив руку на сердце.

На миг старуха поперхнулась от такой наглости, но старую лису голыми руками не возьмёшь — из любой лжи она умела скроить правду. Вновь повысив голос, она заверещала:

— Какая ещё выгода?! Да у нас в деревнях испокон веков так делали! Всем можно, а нашей семье, значит, нельзя?! Как по мне, так вы оба хороши — и ты, и Мэйцзы. Неужто у неё сердце не болит смотреть, как старший брат без бабы мается?!

Хань Дуй сочувственно улыбнулся:

— Раз уж мы такие чёрствые, а вы у нас — образец добродетели, почему бы вам просто не дать Ганцзы двести юаней на выкуп? И девку хорошую ему сосватаем, и сестру калечить не придётся. Как вам такой выход?

Старуху Ван словно кипятком обварило. Она аж подпрыгнула на месте, точно ей на хвост наступили:

— Двести юаней?! Да ты умом тронулся! Откуда у меня такие деньжищи?! К тому же Ганцзы — внук из рода Хань, с какого перепугу я должна за него платить?!

Хань Дуй мгновенно срезал её:

— Если так, то и Мэйцзы — девка из рода Хань. Какое право вы имеете распоряжаться её судьбой?

— Мэйцзы — моя родная внучка! — взвизгнула старуха.

Хань Дуй наступал без капли робости:

— Так и Ганцзы вам не чужой. Что же вы кошелек не расчехляете?

Поняв, что её прижали к стене, старуха принялась увивать от ответа и подняла невообразимый гвалт.

Но Хань Дуй гнул свою линию с безмятежной улыбкой:

— Раз вы так печётесь о внуке, покажите пример щедрости — раскошесьтесь!

Чэнь Юэсян тут же сориентировалась и поддакнула сыну:

— И то правда, тётушка! Помогите молодой семье, нам много не надо — хотя бы сто юаней выделите!

Старуха Ван подавилась воздухом.

Хань Дуй покачал головой и со вздохом подытожил:

— Вот видите. Как платить — так вы сразу в кусты, а как сестру мою в омут толкать — так первая заступница. Прямо не бабушка, а Серый Волк в чепце из сказки!

Толпа зевак на секунду притихла, а затем взорвалась оглушительным хохотом:

— Ха-ха-ха! И правда, вылитый волк в чепце! Ну уморил, Сяо Хань!

Старуха Ван побагровела, задыхаясь от ярости. От такого унижения у неё едва удар не хватил.

Но что делает скандальная деревенская баба, когда у неё заканчиваются разумные аргументы? Разумеется, валится прямо в пыль. Старуха Ван плюхнулась на землю, обхватила колени и заголосила, колотя сухими ладонями по земле:

— Ой, доченька моя несчастная-а-а!..

Видя, что противница перешла к уличной драме, Чэнь Юэсян уже приготовилась было выдать ответный бенефис.

Но Хань Дуй вовремя поймал мать за руку и отрицательно покачал головой. Зачем тратить силы, если для подобных представлений есть профессионалы покрупнее?

Окинув взглядом толпу, он заметил в первых рядах свою родную бабу, Чжао Чуньпин. Стремительно подбежав к ней, он изобразил крайнюю тревогу:

— Бабушка, уходи поскорее от греха подальше! Старуху Ван сегодня словно бесы укусили, бросается на каждого встречного! Тебе под горячую руку лучше не попадаться.

Чжао Чуньпин брезгливо поджала губы. Она и прежде терпеть не могла эту несносную сватью.

Хань Дуй сокрушённо вздохнул, повесив голову:

— Всё пошло прахом... Я ведь только вчера в коммуне перед директором Ян отчитывался, уверял, что у нас в семье тишь да благодать. Директор Ян ещё хвалила тебя, мол, какая у товарища Чжао высокая политическая сознательность, даже хотела твой пример на всю округу разрекламировать! А теперь брат притащил эту вздорную старуху... Если директор Ян узнает, то решит, что мы её за дуру держим! Мало того что старуху Ван отправят на принудительную политучёбу в коммуну, так ещё и Ганцзы туда загребут. А с его куриными мозгами он оттуда до пенсии не выберется. Пропали мы... Позор на всю коммуну для рода Ханей!

С каждым его словом лицо Чжао Чуньпин становилось всё мрачнее. Поняв, что фитиль зажёг, Хань Дуй вернулся к причитающей у ворот старухе Ван и заговорил жалобно:

— Бабушка Ван, постыдитесь! Зачем вы род Ханей грязью поливаете? Моя бабка здесь стоит, имейте хоть каплю уважения к ней!

Старуха Ван уже вошла в раж и плевать хотела на приличия. С силой сплюнув в сторону Хань Дуя, она взвизгнула:

— Тьфу на вас! В вашей семейке отродясь порядочных людей не водилось! И я, и дочка моя покойная слепыми были, раз связались с такими кровопийцами!

Это заявление переполнило чашу терпения Чжао Чуньпин. Яростно засучив рукава, она бесцеремонно оттолкнула Хань Дуя с матерью и ринулась в бой, готовая разнести соперницу в пух и прах:

— Слышь, кума, ты бы на свою пасть замок повесила! Навозом от тебя за версту несёт, будто только из нужника вылезла!

Старые соперницы сошлись лицом к лицу, и воздух между ними буквально заискрился от вековой ненависти.

Обе матроны развернули такое яростное словесное побоище, что собравшаяся толпа замерла в полном восторге.

Поняв, что сцена надёжно занята тяжёлой артиллерией, Хань Дуй решил тихонько выскользнуть из толпы, чтобы глотнуть свежего воздуха.

На окраине сборища он приметил Ли Сяобо и Ли Сяоцзяна. Сяобо откровенно забавлялся происходящим, так и лоснясь от злорадства.

Сяо Цзян, напротив, стоял хмурый, с явной тревогой поглядывая на Хань Дуй.

Хань Дуй непринуждённо подошёл к ним и весело поздоровался:

— Привет, Сяобо, Сяо Цзян! Тоже пришли на представление поглазеть?

Ли Сяобо смущённо потёр нос и буркнул что-то невнятное в ответ.

Сяо Цзян тихо поинтересовался:

— У тебя всё в порядке?

Хань Дуй беззаботно качнул головой:

— Ерунда, прорвёмся.

Обменявшись парой слов, он заметил Лю Фэнцю, стоявшего поодаль у самого края толпы. Хань Дуй направился к нему:

— Какая неловкость вышла. Пришёл ко мне в гости, а тут такое сумасшествие — даже чаю предложить не могу.

Лю Фэнцю мягко улыбнулся, пытаясь его приободрить:

— Будет время и для чая. Не принимай близко к сердцу, любой шторм рано или поздно

утихает.

На самом деле Хань Дуй ни капли не волновался и увлечённо болтал с Фэнцю о всяких пустяках.

Посреди их весёлой беседы из толпы вынырнул Хань Ган. Он притащился, вытянув угрюмую, точно у осла, физиономию.

Буравя младшего брата яростным взглядом, он процедил сквозь зубы:

— Сяо Жуй, пошли отойдём. Разговор есть.

Почувяв неладное, Лю Фэнцю предостерегающе покачал головой, безмолвно призывая Хань Дуй остаться на месте.

Хань Дуй успокаивающе улыбнулся собеседнику:

— Всё нормально. Он всё-таки мой старший брат, выслушаю его.

Хань Ган быстрым шагом направился к южной окраине деревни и остановился за большим стогом соломы.

Убедившись, что свидетелей нет, он резко развернулся и с яростным замахом выкинул кулак вперёд:

— Я давно мечтал тебе морду начистить!

<http://bllate.org/book/19655/1960918>